

в частности самоопределения народов, *pacta sunt servanda*, что нашло свое отражение в преамбуле Конвенции [3, с. 382]. В п. 2 ст. 31 Конвенции была закреплена диспозитивная норма, в соответствии с которой любой договор, продолжающий оставаться в силе в результате объединения государств, применяется лишь в отношении той части территории государства-преемника, в отношении которой этот договор находился в силе в момент правопреемства государств, если в случае двустороннего договора государство-преемник и другое государство-участник не договорились об ином [3, с. 391—392].

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1. 2. Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи: В 9-ти т. — М.: Политиздат, 1970. — Т. 2. 608 с. 3. Венская Конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 года. — В кн.: Советский ежегодник международного права. 1979. М.: Наука, 1980, с. 382—397. 4. Документы внешней политики СССР. — М.: Госполитиздат, 1957, т. I; 1962, т. VI. 5. Тункин Г. И. Теория международного права. — М.: Междунар. отношения, 1970. — 512 с. 6. Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. — М.: Соцэкгиз, 1961. — 516 с.

Поступила в редакцию 11.11.82.

М. В. Буроменский

Харьков

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СЕССИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН ПО РАЗОРУЖЕНИЮ В СИСТЕМЕ МЕХАНИЗМА ДЛЯ ПЕРЕГОВОРОВ О РАЗОРУЖЕНИИ

Среди международных проблем глобального характера разоружение занимает ведущее место. На XXVI съезде КПСС отмечалось, что задача ослабления угрозы войны, обуздания гонки вооружений в настоящее время «приобрела особое значение и срочность» [1, с. 26]. Это положение было вновь подчеркнуто на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС «Человечество не может без конца мириться с гонкой вооружений и с войнами, если не хочет поставить на карту свое будущее» [6, 1982, 23 нояб.]. Столь острая необходимость осуществления разоружения вызывает настоятельную потребность в специальном всестороннем и универсальном рассмотрении и разрешении этого вопроса на высоком межгосударственном уровне.

Важным шагом здесь может стать Всемирная конференция по разоружению (ВКР). По мнению СССР, она позволила бы привлечь внимание правительств всех стран и миролюбивой общественности к тому, как сдержать гонку вооружений и продвинуться по пути к подлинному разоружению [4]. Но созыву этой конференции, которая, как предполагается, должна быть наделена правом принимать решения [9], препятствуют импе-

риалистические государства. В этих условиях определенный импульс в направлении разоружения могут дать специальные сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, которые способны быть одним из путей к ВКР, не подменяя ее¹. Такое положение спецсессий требует выявления их места в существующей системе органов для переговоров о разоружении.

Согласно Уставу ООН один из ее главных органов — Генеральная Ассамблея — уполномочен рассматривать «принципы, определяющие разоружение и регулирующие вооружения» (ст. 11). Поскольку Генеральная Ассамблея — международный орган с наиболее широким представительством, данная сфера ее компетенции приобретает особое значение. В соответствии с решениями первой спецсессии по разоружению Генеральная Ассамблея «является и должна оставаться главным совещательным органом» ООН в области разоружения [7]. Вместе с тем Генеральная Ассамблея рассматривает и другие вопросы. Разрешение же проблемы разоружения — сложный процесс, который сопровождается постоянным нарастанием усилий и объема работы.

Поэтому в созыве спецсессии по разоружению проявляется единство объективной потребности *специального*, широкого, представительного форума по вопросам разоружения и того положения, что рассмотрение общих принципов и правил разоружения «является полномочием и обязанностью Генеральной Ассамблеи ООН» [4, с. 171]. Работа таких сессий — это один из приемлемых путей к достижению сокращения вооружений и разоружению, и закономерный этап в деятельности ООН в указанном направлении.

В соответствии с Уставом ООН спецсессии Генеральной Ассамблеи, в отличие от очередных, собираются исходя из требования обстоятельств (ст. 20). Правила процедуры Генеральной Ассамблеи [8] регламентируют это уставное положение, отмечая различия в порядке созыва (пр. 1—6; 7—10) и предварительной повестке дня (пр. 12—15; 16—19). Причем пр. 17 требует вносить в предварительную повестку дня спецсессий «только те пункты, рассмотрение которых предложено в требовании о созыве специальной сессии², т. е. в Правилах процедуры конкретизированы положения, непосредственно связанные с неординарным *специальным* характером спецсессий. Тем самым проводится разграничение между очередными сессиями Генеральной Ассамблеи как органами общей компетенции и спецсессиями как органами специальной компетенции.

¹ Первая спецсессия по разоружению (здесь и далее — первая (вторая) специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению) приняла решение о созыве ВКР [7, п. 122].

² На практике спецсессии и в процессе работы рассматривают только вопросы, относящиеся к цели их созыва, хотя пр. 19 прямо не требует этого.

Для спецсессий Генеральной Ассамблеи характерны, следовательно, важность и неотложность рассматриваемого вопроса, имеющего, как правило, принципиальное международное значение. Это определяется и особыми основаниями их созыва — по решению Генеральной Ассамблеи ООН (пр. 7), по требованию Совета Безопасности или членов организации (пр. 8а). Специальное рассмотрение такого рода вопросов может придать значительный политический и юридический вес принятым решениям. Как отмечал в 1978 г. находившийся на посту Генерального секретаря ООН К. Вальдхайм, первая спецсессия по разоружению должна стать поворотным моментом в усилиях по расширению реальных и существенных мероприятий, направленных на достижение конечной цели всеобщего и полного разоружения под эффективным международным контролем [15]. Хотя, конечно, прогресс в этом направлении зависит от готовности империалистических государств проявить политическую волю и конструктивный подход.

Прошедшие спецсессии по разоружению не занимались выработкой конкретных мер. Перед ними пока и не стояла такая задача. Они должны разрабатывать общие программные принципы в области ограничения гонки вооружений и разоружения [2; 3]. Такие положения, в том числе вопросы механизма переговоров, в решениях первой спецсессии (документе, принятом на основе консенсуса делегациями, возглавляемыми в основном министрами иностранных дел) впервые получили развернутое и цельное изложение. И это обстоятельство ставит спецсессии на особое место в системе механизма для переговоров о разоружении.

Задачи и характер работы спецсессий по разоружению позволяют, таким образом, рассматривать их не только как рубеж на пути к ВКР. Они могут быть также стадиями в процессе усилий по разоружению, где бы на высшем уровне, с наиболее широким представительством не только подводились итоги проделанному, но и намечались задачи на будущее, использовалась возможность «обсудить самые актуальные, самые насущные проблемы ограничения вооружений и разоружения» [6, 1982, 18 июня]. Представляется, что данное положение подтверждается и определенной систематичностью в созыве спецсессий такого рода.

Но именно этому противятся империалистические государства. По мнению представителя США в Первом комитете (1981 г.), «маловероятно, чтобы оказались полезными... новые усилия, направленные на то, чтобы превзойти то, что содержит заключительный документ первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН» [18]. Практически — это попытка превратить спецсессии из органа важных обсуждений и консультаций в обычную конференцию по подведению итогов, зна-

чение которой для прогрессивного, поступательного развития в области разоружения было бы ничтожно.

Ожесточенные споры вызвало обсуждение формы итогового документа, в частности второй спецсессии. Делегации капиталистических стран предлагали ограничить его заключительным докладом [16], а прения проводить лишь по вопросам, касающимся осуществления программы действий 1978 г. [17]. Резко отрицательный подход империалистических государств к разработке второй спецсессией по разоружению полнокровного итогового документа и срыв его принятия в немалой степени объясняются значительным влиянием заключительного документа первой спецсессии, принятого в условиях «потепления» международной обстановки. Это влияние определяется не только фактом созыва *специальной* сессии по разоружению, что уже является важным политическим событием, но и большим морально-политическим и юридическим воздействием таких сессий и их решений на отношения между государствами в области разоружения.

Не вдаваясь в рассмотрение содержания заключительного документа первой спецсессии по разоружению, отметим, что он имеет не совсем обычную для резолюций форму. Как правило, Генеральная Ассамблея в своих решениях обращается от собственного имени; государства как бы остаются в тени, независимо от отношения к резолюции. В заключительном же документе многие положения провозглашены от имени государств-членов ООН [7, п. 5, 8, 26, 126]. Эта формула обращения носит недвусмысленный характер относительно изложенных положений и означает, по-видимому, намерение *государств* взять обязательства¹. Такой способ изложения в резолюциях Генеральной Ассамблеи встречается редко и обычно касается решений большого политического значения по наиболее острым вопросам международных отношений, например в «Декларации об углублении и упрочении разрядки международной напряженности» [12; см. также 10; 11]. В некоторых решениях международных организаций форма изложения приобретает черты, напоминающие многосторонний договор [4, с. 138]. Такой способ изложения основных положений придает документам особый морально-политический вес. Хотя в целом форма не может влиять на правовую силу резолюций, тем не менее она не является пассивным элементом, а свидетельствует об определенной позиции, которую *государство* согласилось *не отрицать*, принимая решение от своего имени. Представляется, что такие положения в решениях первой спецсессии по разоружению обладают, по сравнению с другими резолюциями Генеральной Ассамблеи, большим правовым значением. Сама Генеральная

¹ Например, в п. 126 сказано: «...государства-члены Организации Объединенных Наций торжественно подтверждают свою решимость стремиться к достижению всеобщего и полного разоружения...».

Ассамблея тоже ссылается именно на эти заявления государств и учитывает их [13].

Таким образом, спецсессии по разоружению являются относительно самостоятельной формой работы Генеральной Ассамблеи ООН и направлены на достижение специальной цели — облегчить созыв ВКР. Решения спецсессий по разоружению носят программный характер и имеют особое юридическое и морально-политическое значение. Все это позволяет рассматривать спецсессии по разоружению в качестве самостоятельного компонента механизма для переговоров о разоружении.

Список литературы: 1. *Материалы XXVI съезда КПСС.* — М.: Политиздат, 1981. — 223 с. 2. *Богданов О. В.* Международно-правовые проблемы разоружения. — М.: Междунар. отношения, 1979. — 187 с. 3. *Израэлян В. Л.* Организация Объединенных Наций и разоружение. — М.: Междунар. ст. отношения, 1981. — 128 с. 4. *Лукашук И. И.* Механизм международно-правового регулирования. — К.: Вища школа, 1980. — 163 с. 5. *Яновский М. В.* Генеральная Ассамблея ООН. — Кишинев: Штиинца, 1971. — 298 с. 6. *Правда.* 7. *Док. ООН A/Res/S—10/2.* 8. *Правила процедуры Генеральной Ассамблеи ООН (Doc. A/520/Rev. 13).* 9. *Рез. ГА ООН 2030 (XX)* от 30 ноября 1965 г. 10. *Рез. ГА ООН 2936 (XXVII)* от 29 ноября 1972 г. 11. *Рез. ГА ООН 3201 (S—VI)* от 1 мая 1974 г. 12. *Рез. ГА ООН 32/155* от 19 декабря 1977 г. 13. *Рез. ГА ООН 33/73* от 15 декабря 1978 г. 14. *Doc. UN A/135/28.* 15. *Генеральная Ассамблея ООН. Специальная сессия по разоружению. OPI—600.* 16. *Doc. A/AC. 206/SR—10.* 17. *Doc. UN A/AC. 206/SR—9.* 18. *Doc. UN A/AC. 206—(2) Add. I.*

Поступила в редколлегию 12.01.83.

Ю. Н. Таланов

Харьков

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОДУКЦИИ ПОДСОБНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ПРОМЫСЛОВ КОЛХОЗОВ

Последовательное претворение в жизнь современной аграрной политики партии, принципиальные основы которой заложил мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС, развитой рядом последующих пленумов и XXIII, XXIV, XXV, XXVI съездами КПСС, обеспечивает превращение сельского хозяйства в высококоразвитый сектор социалистической экономики. Майский (1982 г.) Пленум ЦК КПСС, конкретизируя эти положения, поставил перед сельским хозяйством задачу добиться существенного повышения продуктивности земледелия и животноводства, обеспечить выполнение и перевыполнение государственных планов закупок зерна, мяса, молока и другой продукции, ее своевременную переработку и полную сохранность, создать надежную основу для более быстрого подъема сельскохозяйственного производства в последующие годы.

В Продовольственной программе СССР намечены крупные меры по укреплению материально-технической базы колхозов